
Е.В. Катерина
ВИЛЬМОНТ

Книги Екатерины Вильмонт:

- Путешествие оптимистки, или Все бабы дуры.
- Полоса везения, или Все мужики козлы.
- Три полуграции, или Немного о любви в конце тысячелетия.
- Хочу бабу на роликах!
- Плевать на все с гигантской секвойи. Умер-шмумер.
- Нашла себе блондина!
- Проверим на вшивость господина адвоката.
- перевозбуждение примитивной личности.
- Курица в полете.
- Здравствуй, груздь!
- Гормон счастья и прочие глупости.
- Бред сивого кобеля.
- Зеленые холмы Калифорнии. Кино и немцы.
- Два зайца, три сосны.
- Фиг с ним, с мавром! Зюзюка, или Как важно быть рыжей.
- Крутая дамочка, или Нежнее, чем польская панна.
- Подсолнухи зимой (Крутая дамочка-2).
- Зюзюка и другие (Сб.: Зюзюка, или Как важно быть рыжей; Зеленые холмы Калифорнии; Кино и немцы!).
- Дети галактики, или Чепуха на постном масле.
- Цыц!
- Девственная селедка.
- Мимолетности, или Подумаешь, бином Ньютона!
- Артистка, блин!
- Танцы с Варешкой.
- Девочка с перчиками.
- Шальный мальчик.
- Трепетный трепач.
- Прощайте, колибри, Хочу к воробьям!
- У меня живет жирафа.
- Черт-те что и с боку бантик.
- Интеллигент и две Риты.
- Со всей дури!
- Фиг ли нам, красивым дамам!
- Сплошная лебедянь!
- А я дура пятая!
- Вафли по-шпионски.
- Шпионы тоже лохи.
- Дама из сугроба.
- Мужлан и флейтистка.
- Свои погрешности.
- Птицы его жизни.
- Рыжий доктор.

Екатерина
ВИЛЬМОНТ

*Трепетный
трепач*

Москва
Издательство АСТ

Странник прошел, опираясь на посох, —
Мне почему-то припомнилась ты.
Едет пролетка на красных колесах —
Мне почему-то припомнилась ты.
Вечером лампу зажгут в коридоре —
Мне непременно припомнишься ты.
Что б ни случилось, на суше, на море
Или на небе, — мне вспомнишься ты.

Владислав Ходасевич

Мать

Я возвращалась домой из магазина и тихо радовалась тому, что по крайней мере два часа смогу спокойно поработать. Моя старенькая «шкода» еще бегаёт, дети, слава богу, здоровы, обед и ужин на сегодня есть, все у меня, кажется, хорошо. И припарковаться во дворе удалось без проблем. Правда, в подъезде было тесно от наставленной там мебели. Кто-то, похоже, переезжает, и заняты оба лифта. А переться пешком с такими сумками на девятый этаж просто нет сил. Но тут, к счастью, маленький лифт приехал и оттуда выскочили два здоровенных парня в комбинезонах какой-то фирмы и я успела юркнуть в кабину. Опять же хорошо! Пока я отпирала дверь, зазвонил домашний телефон. Я бросила сумки и схватила трубку.

— Алло!

— Валерия Константиновна?

— Да, слушаю вас.

— С вами говорит классный руководитель вашей дочери...

Сердце упало.

— Что с Катей? Где она?

— Не волнуйтесь, с ней все в порядке, она на уроке физики, но мне необходимо с вами поговорить. Вы сейчас никуда не уходите?

— Нет, я только что пришла.

— Тогда позвольте, я к вам загляну, у меня сейчас нет урока и...

— Да, пожалуйста. Простите, мы ведь не знакомы?

— Да, я в этой школе недавно и еще не успела... Я буду у вас через пять минут.

Что же такое учудила Катька, если классная руководительница идет ко мне, а не вызывает меня в школу? А, скорее всего это очередные школьные поборы... В школе сейчас говорить об этом, по видимому, небезопасно, вот ее и обязали ходить по квартирам. Да, похоже, все именно так. Катька у меня девочка спокойная, и вряд ли что-то отчебучила. И тут раздался звонок. На пороге стояла молодая женщина, лет двадцати восьми, милостивая, не похожая на училку, и, кстати, Катька о ней хорошо отзывалась. Только вот я забыла, как ее зовут.

— Здравствуйте, — улыбнулась она, — Валерия Константиновна.

— Простите...

— Анна Дмитриевна.

— Очень приятно. Хотите кофе?

— Если можно.

— Да-да, проходите на кухню.

Я включила кофеварку.

— Валерия Константиновна, вы, верно, теряетесь в догадках, зачем я к вам явилась. Дело очень неожиданное. Ко мне вчера подошла Катя и сказала, что не желает больше носить фамилию Лощина, и просила переправить в журнале Лощилину на Муромцеву.

— Что?

— Не хочет больше быть Лощиной. Вот так.

— Господи, бред какой-то... А вы что?

— Я сказала, что это не в моих силах, что она должна прежде всего поговорить с вами. Она с вами не говорила?

— Нет. Я вчера очень поздно вернулась. А сегодня утром было некогда... Нет, она ничего не говорила и вела себя совершенно нормально.

— Понимаете, двенадцать с половиной лет, возраст опасный. Катя девочка на редкость развитая, умная. Должна быть какая-то причина... Мне не

показалось, что это просто каприз... и я сочла необходимым поставить вас в известность. Это тревожный симптом... Но я просила бы вас не говорить Кате, что я приходила к вам. Она мне доверяет, и я...

— Понимаю. Я ничего ей не скажу. Но она как-то объяснила, почему вдруг?

— Она сказала, что до нее дошла кое-какая информация об отце и она не желает носить его фамилию. И это все. Знаете, Валерия Константиновна, мне кажется, вам следовало бы согласиться с этим ее пожеланием. Если вы просто напишете заявление, мы будем считать Катю Муромцевой.

— Да, возможно, вы правы, но я должна понять...

— Простите за нескромный вопрос. Катя видится с отцом?

— Нет, причем она сама не пожелала. Он исправно платит алименты, но они вот уже четыре года не видятся.

— Простите, может быть это не мое дело. Но что послужило причиной? Поверьте, это останется между нами. Но мне важно знать. Дети в таком возрасте... Катя очень способный ребенок и вообще, как мне кажется, она сильная личность и вряд ли из-за пустяка...

Она с каждой минутой нравилась мне все больше, эта училка. Она и вправду беспокоится. Это не показуха. Она какая-то настоящая.

— Дело в том, что четыре года назад погибли моя сестра и ее муж, у них остался сын, четырехлетний мальш, и я, естественно, взяла его к себе. А муж этого не хотел... Мы расстались. А Катька, до того боготворившая отца, вдруг заявила: «Мама, он предатель! И слабак! Если взрослый мужчина бросает жену и дочь из-за четырехлетнего сиротки, значит, он просто ждал повода. И нечего о нем жалеть!»

— И это в восемь лет? — ахнула училка.

— Я сама была в шоке.

— Извините, Валерия Константиновна, а ваш муж...

— Бывший муж, — поправила я ее.

— Да-да, разумеется. Он ведь, кажется, писатель, и даже довольно известный?

— Да. Но причем здесь это?

— Я думаю, Катя прочитала что-то о нем в Интернете. А ведь это может оказаться неправдой...

— Я поговорю с ней. Обязательно.

— Валерия Константиновна, может, это праздничный вопрос, но я...

— Спрашивайте!

— В кого Катя такая?

— В деда. Тот тоже был такой... максималист, в чем-то упертый... Но очень сильная личность. А я нет. Да и отец Катькин совсем другой. Скажите, а вы... как вам удастся в нынешней школе быть такой...

— Какой? — улыбнулась училка. Улыбка была прелестная.

— Настоящей.

— О, спасибо вам! Просто я по призванию учитель. Очень люблю детей, мне с ними интересно, а ваша Катя незаурядная девочка. И я очень рада, что мы с вами нашли общий язык. И вместе сумеем помочь ей преодолеть этот кризис. Ну, спасибо за кофе, мне пора. Я оставляю вам свой телефон, на всякий случай...

— Спасибо вам огромное. Я еще не встречала такого отношения к детям. Спасибо!

Она ушла. И тут же зазвонил телефон.

— Лерка! Ты уже видела эту мерзость? — закричала в трубку подруга Рита, живущая в Израиле.

— Ты о чем?

— Какой же все-таки Димка подлец! Скотина! Вот оно!

— Да что он сделал?

— Разразился интервью... Да каким! Вот что, спрашивается, ты ему плохого сделала? Племянника родного не бросила? А он... У меня слов нет!

— Да что он такого наговорил?

— Тебе зачитать?

— Зачитай!

— Ну, мало того, что он всех своих баб перечисляет, с именами и фамилиями, так о тебе он сказал буквально следующее: «Мой первый брак был роковой ошибкой. Валерия оказалась человеком из совсем другого мира — приземленной, примитивной, а при этом никудышной хозяйкой. Но ошибки легко исправить, если нет детей... А тут родилась дочь, я не хотел ребенка, но жена настояла, практически поставила меня перед свершившимся фактом. Дочь была милой малышкой, но уже к восьми годам стала благодаря своей мамаше эдаким злобным зверьком, отчего-то вдруг меня возненавидевшим. Я вынужден был оставить семью. И с тех пор я ничего о них не знаю, только регулярно перевожу деньги». Ну, каково?

— Боже, какое ничтожество! — простила я. Теперь мне все было понятно. А Катька-то слова мне не сказала. Пожалела.

— Лерка, ты должна что-то сделать!

— Что? Что я могу сделать?

— Как что? Опубликовать в этом же журнале свои впечатления об известном писателе Лоцилине.

— Нет, я этого делать не буду. Меня от этого всего тошнит. И я счастлива, что он от нас ушел.